

**СНЫ И
СНОВИДЕНИЯ**

Эсфирь Коблер

DREAMS

Esther Cobler

Эсфирь Коблер

СНЫ И СНОВИДЕНИЯ

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816629

Сны и сновидения: Авторское;

Аннотация

Название книги отсылает нас к работам Зигмунда Фрейда. Но мне ближе иное понимание снов.

«Сновидения и суть те образы, которые отделяют видимый мир от мира невидимого, отделяют и вместе с тем соединяют эти миры. Сновидение... насквозь... символично. Оно насыщено смыслом иного мира, оно – почти чистый смысл иного мира, незримый, невещественный, хотя и являемый видимо и как бы вещественно... Сновидение есть знаменование перехода из одной сферы в другую и символ. Сновидение способно возникать, когда одновременно видны оба берега жизни».

Павел Флоренский.

Вот такое толкование снов мне ближе всего, потому что сны приходят откуда-то из другой жизни, из другой реальности. Остается только записать сюжет.

Содержание

1. Олень	7
2. Орфей и Эвредика	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эсфирь Коблер

СНЫ И СНОВИДЕНИЯ

Иногда снятся сны, которые сами по себе являются сюжетом, сюжетом иной жизни. Я их записываю. Часть из них вошла в разные циклы. Но здесь я собрала их все вместе.

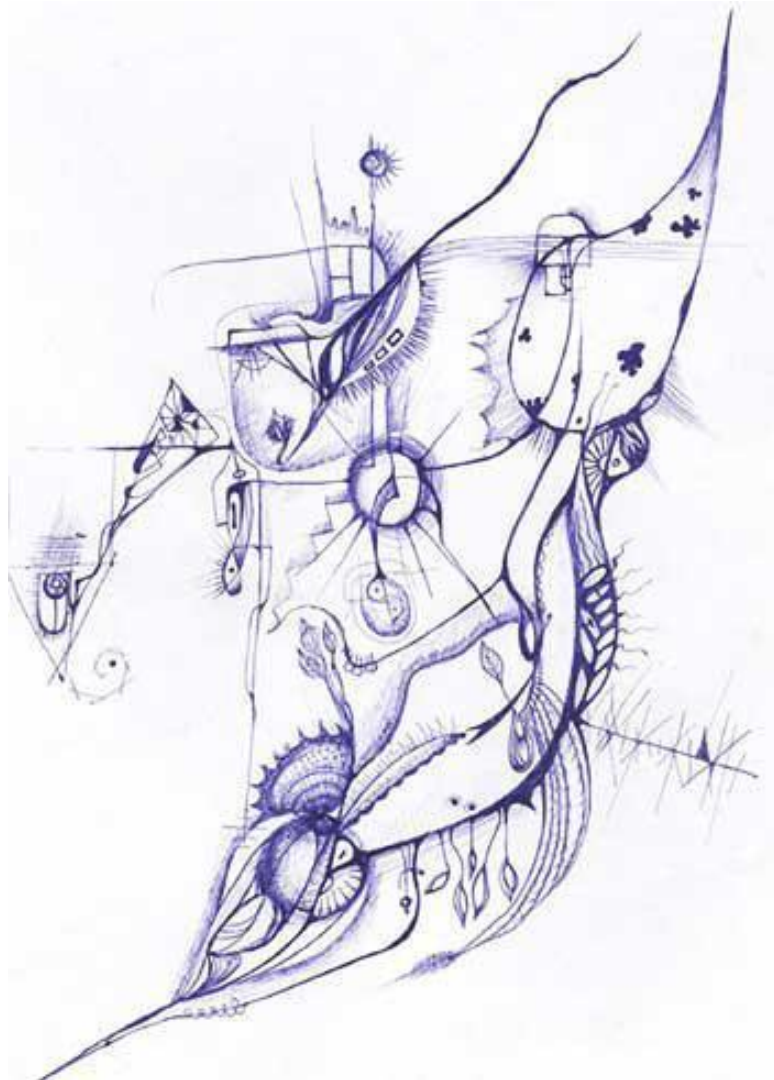

Рисунок Марии Ефремовой

1. Олень

Сон первый

«кинематографический»

Тишина выжженной земли. Прозрачность леса. Гарь. На деревьях ни одного листочка. Голые деревья, голые ветви, голый лес, плешивая черная земля. Я иду один впереди отряда. Я всегда иду один, без оружия, в штатской одежде – куртка и джинсы, но в солдатских сапогах. Не могу стрелять. Не выношу вида крови. Я иду один впереди отряда и выхожу к жилью. Меня тянет к человеческому жилью, как собаку тянет к дому, к хозяину. Всю жизнь мечтаю войти в дом, сесть возле окна под занавеской, положить натруженные руки на деревянный стол и ждать, когда войдет хозяйка. За окном светит солнце, цветет клевер, жужжат пчелы. Скрипнула дверь, подул легкий ветерок и старая женщина поставила передо мной кружку парного молока. Я всю жизнь мечтаю об этом. Но стоит мне войти в дом, сесть на скамью, улыбнуться хозяйке, как следом за мной приходят солдаты; идут и убивают; крик, стон и плач, и запах гари. Не проходящий запах войны, гонят меня прочь.

Сколько я себя помню, я всегда шел с солдатами. Наш поселок разорили и убили всех жителей. Солдаты пощадили меня потому, что я, трехлетний малыш, стоял перед ними и

не боялся: меня не убили, чтобы я стал солдатом. Но я не мог убивать, я навсегда запомнил тошнотворный запах крови. С тех пор я шел перед отрядом, чтобы набрести на жилье.

В тихом безлиственном лесу, пропахшем гарью и пропитанном копотью, не видно ничего сквозь туман, приглушен звук, но я почувствовал ее взгляд – она была оленем. Я сразу это понял. Она стояла за деревом и напряженно смотрела на меня огромными ореховыми глазами; у нее были длинные стройные ноги, округлые бедра и высокая грудь. Детский овал лица подчеркивала гладкая прическа, и только собранные туго на макушке каштановые волосы напоминали рог. Сквозь пепел и туман она поманила меня тихим жестом. Я подошел и не смог оторвать взгляда от оливковой кожи и нежных детских губ. Я осторожно поцеловал ее. Она поставила кувшин на землю.

– Ты будешь любить меня, – тихо сказала она. – Цыганка гадала – кто первый поцелует меня, умрет от любви.

– Да, – сказал я, – умрет от любви.

Потому что в ту же минуту, сердце сжалось в груди от нежности и печали. Солнце засветило сквозь туман.

– За мной идут солдаты. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

– Я предупрежу мужчин – они уйдут из деревни, а женщин и детей не тронут.

– Ты не знаешь солдат: чем легче убить, тем яростней они убивают. Они убивают потому, что им нужно убивать, и пья-

неют как быки от запаха собственной крови.

– Нет, сейчас они устали убивать и захотят веселья – это их смерть. Когда солдаты побегут через реку, не иди с ними. Ты перейдешь ее потом, но не снимай сапоги. Никто не переходит эту реку дважды. Кто коснется ее вод – умирает или становится бессмертным.

Каждый получает то, что заслужил в жизни.

Я нежно обнял ее.

– Скажи, что ожидает меня?

Но девушки уже не было, рядом со мной стоял пятнистый олень.

– Иди же, – шепнул он.

Легкая юбка девушки мелькнула впереди.

Я шел к деревне. Она стояла на склоне холма, на берегу мелкой, быстрой и прозрачной как кристалл речушки. Река весело звенела, пробегая по камням между холмов. Тот берег, где была деревня и где сейчас стоял я, лежал голый выжженный и голодный; на другом берегу раскинулся цветущий звенящий лес, и там, – думал я, – есть дом, где я смогу сесть у окна и хозяйка принесет мне кружку молока, а за окном будет цвести клевер.

Я видел как мужчины ушли на другой берег, а в деревне приумолкли дети. За моей спиной на вершине холма появились солдаты. Они рассыпались цепью, прижимая автоматы к груди, как мать прижимает ребенка, без которого она не может жить. Но их встретила тишина. В центре деревни со-

брались женщины и дети. Солдаты простреляли пустые дома. И, устав от стрельбы, от крови, которую они лили из месяца в месяц, солдаты улеглись в пыли и пепле на склоне холма. Стянув с тела пропотевшие гимнастерки отдыхали они на мертвой земле, в знойном воздухе.

Командир – самый старший из нас, – жесткий мужчина лет сорока с лицом, покрытым шрамами, решительный и злой, – стоял рядом со мной и курил.

– Здесь нельзя убивать – тихо сказал он. – Это река жизни. Здесь умирают естественной смертью. Я отпущу их, – он показал на молчаливую толпу в центре поселка, – но я позабавлю своих ребят.

Он сел на землю и понутив голову стал что-то чертить палкой на земле.

– Эй, ты, – обратился он ко мне, – мне пришла пора умереть, я перейду реку жизни босым. Кто последует за мной, тоже умрет. Ты пойдешь последним. Я не боюсь смерти. Ты ведь знаешь – у меня тело все заштопано. Сколько себя помню – я только убивал. Теперь пришла пора самому умирать. Посмотри на ребят, им всем по двадцать лет. Они еще не устали убивать и жизнь им нравится. Любить они не умеют – они привыкли насиловать. Они не оставят детей и не помнят родителей. Сегодня они должны умереть, да и зачем им жить.

Он зажмурился и посмотрел вдаль, за реку.

– Догадываюсь, что там жизнь, труд, семья, но мне неза-

чем идти туда.

– Может быть попробовать начать сначала.

– Поздно. В жизни что-то бывает поздно. У меня это серьезно. Я пролил столько крови, что жить мне нельзя, а им, – он кивнул на ребят – незачем, – они ничего не хотят. Наверно, чтобы жить нужна жажда жизни, какая-то ее цепкость, высокие стремления. Ты не смейся.

– Я не смеюсь.

– Для чего мы убиваем? Как-то в нашем выжженном лесу я увидел птицу, случайно залетевшую сюда птицу, и я убил ее. Привычка: ни одной живой души мы не оставляли за собой. Просто так убил. Ничего живого, так ничего живого, а она вдруг вскрикнула, голову задрала к небу и вскрикнула, будто призывала кого-то в свидетели и к мести. У меня мороз пошел по коже. Я двадцать лет убивал и ни о чем не думал, а тут оглянулся со страхом и понял: мы уничтожили природу и себя в том числе; она нам отомстит; так и ждал, когда месть придет. И она пришла, но она милосердна. Мы умрем без мук, без сожалений, умрем все вместе, умрем в живом лесу, там, где природа покажет свою красоту. Только я умру первым, а ты – последним. Попробуй прожить свою жизнь от моей смерти до своей.

Он встал и крикнул громко, чтобы все его слышали:

– Пришла пора развлечься, но скучно стрелять дичь, которая стоит в загоне. Я отпускаю баб в лес на ту сторону и там мы будем ловить их, чтобы было интересней, пусть они

снимут свои юбки и сожгут их, а заодно посмотрим, какая красotka кому приглянется.

Послышался дружный хохот одобрения. Солдаты быстро натаскали веток, собрав их в сухом лесу, и разожгли костер. Женщины подходили к нему и бросали свои юбки. Старые и молодые, красивые и уродливые, гордые женщины и смущенные девушки, старухи с обвислой кожей и юная девушка-олень с ногами длинными и стройными, с круглыми нежными ягодицами, – все стояли обнаженными перед мужчинами, которые хохотали до слез.

– Ну, – крикнул командир, – бегите, мы скушаем нашу зайчатину на том берегу.

Он удержал солдат, пока женщины и дети не перешли реку.

– А теперь, – зло и весело крикнул он, – скинем свои штаны и в погоню.

Он первым разделся и бросился по камням к реке, и все, скинув одежду, побежали за ним, расплескивая воду и сверкая голыми пятками. Я знал, что теперь они уязвимы – река смерти коснулась их ног.

Когда за деревьями заглох смех, я пошел за ними.

Река приумолкла возле моих сапог. Я осторожно перешел по камням на другой берег и оглянулся назад. Солнце стояло в зените. Река сверкала. Но берег, покинутый нами, был угрюм и сер. Пепел покрывал землю, голый лес стоял как привидение.

Я отвернулся и пошел в звенящий, поющий, сверкающий мир, который раньше видел только во сне.

Девушка – олень стояла рядом со мной.

– Они все умрут. В счастливом лесу не может жить тот, кто пролил чужую кровь, кто не знает любви, а только ненависть и насилие. Одни идут на смерть, не зная того, другие чуют ее, но все же идут, потому что им незачем жить.

Я погладил ее грудь.

– Я хочу жить, но умру от любви к тебе.

– Спешу, мой милый, – ты можешь выжить. Ты должен прийти на вершину холма до заката. Спешу же, твое спасение зависит от тебя. Мы не вольны в смерти, но вольны в своей жизни.

– Мне кажется, это не так. Единственное, что делают люди – это стараются отдать свою жизненную волю любому проходивцу, первому встречному: лишь бы самому не выбрать себе жизнь. Дар свободы слишком тяжел для человека.

– О, постарайся стать свободным!

– Я свободен с той минуты, как увидел тебя и полюбил. Ничто уже не властно надо мной – ни командир, ни солдаты, ни смерть. Я хочу полной свободы в себе. Если я смогу перешагнуть через себя, если я вовремя прейду к вершине, мы будем счастливы как никто на земле, потому что долго страдали.

Олень стоял рядом со мной и грустно смотрел вдаль. Потом легко прыгнул в чашу, и только мелькнули ветвистые

рога.

Я шел все выше и выше по склону холма, глубже забираюсь в лес. Запах ягод, летних цветов, густой листвы кружил мне голову. Я пьянел от незнакомых ароматов, от цикад и пения птиц. Голоса леса звучали во мне. Я задышался от тысячи и тысячи новых, незнакомых мне счастливых ощущений и вместо того, чтобы спешить, шел все медленнее.

В чаще леса, среди пустых елей, куда не проникал луч солнца, я наткнулся на первый труп. Это был наш командир. Он лежал на спине, широко раскинув руки. У меня не было сил вырыть ему могилу, я забросал его хвоей и листвой. В его глазах застыло напряженное выражение: смерти? – так вот что такое смерть. Он упал, наверное, почувствовал – все – пришло то нечто, что творил он всю свою жизнь. Он всю жизнь думал о смерти, о тех, кого убивал, и кто хотел убить его, о пожарах, о крови, о запахе смерти. И когда это пришло к нему, он, прежде всего, хотел понять. Но он не понял. Никто не понимает, когда приходит к нему. Лишить другого жизни могут, размышлять о смерти, философствовать – могут, а умереть – мало кто умеет.

Он сумел.

Я шел дальше и натыкался на трупы. Страх, ужас, цеплянье за жизнь – вот что было в них. Солдаты не знали – зачем убивать, зачем жить, зачем умирать. Они не думали об этом. Смерть пришла, а жизни они не знали. Они шли со смертью рука об руку, несли ее в своих руках и не думали ни о чем.

Ведь миллионы умерли до них, пусть умрут и те, кто живет сейчас. Они инстинктивно мстили людям за то, что родились тогда, когда жить нельзя. Их руки не знали дела кроме убийства. Мозг не знал мысли, кроме смерти, глаза их не видели солнца без пепла, запах гари, огонь и выжженная земля шли за ними. Они доделывали то, что не смогла завершить Катастрофа.

Девушка-олень шла рядом со мной. Мы целовались и спешили к вершине. Я обнимал ее. У нее мягкое тело и упругие груди, и так приятно целовать прохладную нежную шею.

– Мы жили у самой реки жизни, – рассказывала она, – и люди, уцелевшие при Катастрофе, бежали к нам. У нас не было ни оружия, ни машин, ни сложных механизмов. В поселке, собравшемся у реки, мы жили тем, что обрабатывали землю мотыгой и пасли скот. Но мы были счастливы: кругом бушевала война, а сюда, к реке жизни, за глухой лес не долетали пули. У нас рождались дети, и мы умели любить друг друга, но мы боялись перейти через реку жизни – кто знает, чего мы достойны: жизни или смерти. Однажды стой стороны реки пришла цыганка. Она говорила всем: "Уходите за реку. Там жизнь, солнце, луга, утопающие в цветах, леса, пропахшие запахом грибов, хвои и прелого листа, огромные поля, зачем вы ждете солдат, которые придут уничтожить вас?" – но мы боялись.

Ночью я пришла к ней. Она сидела у реки возле костра. Седые волосы свисали на плечи, но глаза горели ярким ог-

нем.

– Вы все равно пойдете туда, – сказала она, – идите наверх, через холм. Там долина, селения, жизнь, покой. Там останьтесь, и все начните сначала, но не убивайте, никогда не убивайте. Через реку жизни может перейти только тот, кто не убил ни душу, ни тело; ни свое, ни чужое.

– Так я узнала тайну. Мне было двенадцать лет, и желания только пробуждались во мне.

Цыганка посмотрела на меня, сквозь меня:

– Ты будешь много любить, у тебя счастливая судьба, но первый, кто полюбит тебя, должен умереть, а ты будешь помнить его всю жизнь, потому что он откроет тебе запахи земли.

Утром она пропала.

Прошло четыре года, я жила в предчувствии. И вот пришел ты. Я люблю тебя и хочу спасти тебя.

Мы шли медленно, потому что целовались, и я положил ее на поляну клевера, а когда мы очнулись, солнце стояло высоко. Она встала недоумевающая и счастливая. Женщина с благодарностью смотрела мне в глаза. Ради этого стоило жить. Она долго оглядывала лес, небо, потом подняла свое легкое тело, сказала мне: "Спеши".

Олень умчался в чащу.

Мне не хотелось спешить. Нужно было привыкнуть к телу – опустошенному, усталому, счастливому: нужно было привыкнуть к густой траве, к зеленым листьям, влажному терп-

кому воздуху, тонкой светящейся паутине, шуршанию высушенной листвы и хвои – всему, чего я не знал двадцать лет. Этот день так много принес мне, что сердце не вмещало всего.

Кто сделал так, что парни, с которыми я шел всю жизнь, умерли, не узнав ничего. Почему тысячи ребят вот уже полсотни лет умеют только убивать. Они никогда не жили, и не будут жить. Матери их были изнасилованы, а, родив, они умирали молодыми от болезней, принесенных солдатами или от последствий Катастрофы. Еще не родившись, мы были обречены на быструю или медленную смерть. Мы не знали любви ни женской, ни материнской, мы не знали дела: мужские руки сжимали только автоматы и пулеметы. Хаос царит во всем, кроме смерти – это единственное дело, разрешенное всем. Шеф тайной полиции стал главным проповедником.

Катастрофа уничтожила в нас все человеческое, но нас отнюдь не призывали к любви. Доносы и убийства – вот что провозглашал в своих проповедях бывший шеф тайной полиции. Когда-то были потерянные поколения. Мы же стали потерянными народом: без чести, без совести, без любви к живому. Мертвая земля остается за нами.

Те, кто создал Катастрофу, делали это сознательно. Они отравили землю, воду, воздух страшными для человека отходами производства и, когда сами стали задыхаться в созданном мире, они подготовили Катастрофу, растворив в

ядерном огне все, что могло обличить их. Мы, потомки тех кто остался жив, добивали друг друга, не видя смысла в жизни, отравленной запахом смерти. Только тут, за рекой, уцелел уголок живой земли, но мы как чумы боимся его. Там, где жизнь, нас ждет смерть.

Защелкал, залился в листве соловей. Я замер, я вспомнил, может быть еще со слов матери, что сладостное пение соловья предвещает ночь. Действительно, в чаще сгущалась тьма. Я бросился бежать наверх, но трава, к которой я не привык, мешала мне, ветви цеплялись за одежду. С трудом добрался я до вершины холма, где кончался лес. Бесконечная равнина, покрытая густой травой, раскинулась передо мной. Синий вечерний пар поднимался над ней. Внизу горели костры новых переселенцев. В глаза мне бросился чистый розовый закат, охвативший небо на горизонте. Над головой, отделившись от неба, плыли вечерние серые облака, чуть подсвеченные розовым закатом. За равниной садилось солнце. Сердце сжалось, оборвалось. Я упал. Девушка-олень склонилась надо мной.

2. Орфей и Эвридика

Сон второй «музыкальный»

Действующие лица:

Орфей

Эвридика

Аид

Персефона

Данаи

Тантал

Сизиф

Гермес

Менады

В этом сне много музыки. В самом начале звучат две ноты, как будто капают, бесконечно и монотонно, капли дождя.

Пререкания Аида и Персефоны проходят под джазовую импровизацию.

Разговор Эвридики и Орфея идет под музыку Вивальди или Моцарта. А в конце звучит "Болеро" Равеля.

Все действие происходит в полутьме, в сером тумане

ОРФЕЙ

Одиночество. Здесь нет природы, нет звуков, не колышется воздух. Капля не капнет. Обволакивает темнота, и воздух – нет, черный туман, – удушлив как зловонное болото. Плыдем по реке – ни всплеска, ни движения.

Черное... нет, это не туман... Ужасно... Рука проходит сквозь тень, и руки не видно, ни признака зги. Кричи, плачь навзрыд – ни звука, – и нет свидетелей. Эй, Харон, я плыву в ладье мертвых, но не вижу тебя.

ХАРОН

Смерть не видят – ее чувствуют.

ОРФЕЙ

А когда смертью пропитан воздух?

ХАРОН

Тогда достаточно отворить окно, чтобы умереть.

ОРФЕЙ

Я так хотел умереть, но боги не исполняют желаний. Они издеваются над смертными: помянут любовью и убьют ее, дадут богатство и отнимут, молодость и здоровье превращают в немощь, а когда мы хотим умереть по доброй воле – не посылают Танатоса, считая излишней роскошью смерть по собственному желанию и усмотрению.

ХАРОН

Мелочны вы, живые людишки, вечно вас что-то заботит. То ли дело мертвые души – они ничего не хотят, любо-дорого иметь с ними дело.

ОРФЕЙ

Душно, как душно! Глоток воздуха! Страшно, что нет звезд. Пустая вселенная, немое пространство; и все – без конца и без края: мертвость темноты, вечный туман, монотонность невидимого.

ХАРОН

Прибыли, тяжелый пассажир. Кабы не приказ богов, ни за что не повез бы такой груз, того и гляди, продырявит лодку.

АИД

Привет, тебе, Орфей. Ты так долго и так поэтично плакался перед богами, что они попросили впустить тебя в Тартар. Чего ты хочешь?

ОРФЕЙ

Верни мне Эвридику.

АИД

Это невозможно.

ОРФЕЙ

Я расскажу тебе о любви и страдании. Даже скалы роняют слезы, слушая песню, поймешь и ты, и отпустишь Эвридику.

АИД

Меньше фантазии. Ад и поэзия несовместимы. Ад – это темнота, в которой нет места поэзии.

ОРФЕЙ

Даже черные души раз в жизни испытывают благодать вдохновения.

ПЕРСЕФОНА

Мы слушаем тебя, Орфей.

ОРФЕЙ

Мне снился сон...

Представьте: лето на исходе. Рано утром восходит солнце. Леса, луга, поляны покрываются холодной росой. Воздух полон аромата, дышится легко. Ко мне сквозь рощу кипарисов текут друзья, спешат проститься – я в гробнице. С последним поцелуем ко мне клонится Эвридика. И слышится мой голос: Прощай, жена. Какие б унижения и испытания я не перенес – ты была мне опорой, защитой и наградой. Прощаюсь с миром: в жизни мне лишь слово, любовь и воздух надо.

Я проснулся. Все есть: и солнце, и луна, и воздух, и дрозья. Любимой нет; той женщины, что была вдохновением, чьи поцелуи, как пылающая звезда, чьи ночи – раскаленная бездна. Если боги отказывают мне в смерти – верните Эвридику, чтобы жить.

АИД

Прекрасная песня. Ты истинный поэт, но что с того?

Все в мире подчинено порядку судьбы. Мойры плетут свою нить, Фемида взвешивает на весах ваши грехи, Феб объезжает землю на колеснице, смертные умирают, царства погибают, боги исчезают – и ничто не меняется, смерть бесконечна и благостна. И боги подчиняются этому порядку – я ничего не могу изменить.

ОРФЕЙ

Но и река может вспухнуть от слез и выйти из берегов, птицы – закричать человеческим голосом, рыбы взмолиться, звери застонать, гранит распахнуть замурованную душу, незыблемая твердь земли заколебаться, если лишить их любви.

АИД

Смерть непреклонна.

ОРФЕЙ

Но ты ее повелитель.

АИД

Я не могу отдать приказ, опровергающий мою власть.

ПЕРСЕФОНА

(Иронично). Не бойся, никто не лишит тебя власти. Мало жаждущих заточить себя в подземелье.

АИД

Дорогая, ты рассуждаешь по-женски. Я знаю, ради глотка свежего воздуха, ясной лазури и ласк прыщавого смертного юнца, ты готова сбросить юбки и отдать венец. Ты не понимаешь наслаждения власти над душами, власти повеления и наказания.

ПЕРСЕФОНА

Твоя власть жестока, но и в жестокости ничтожна. Даже вечные муки не отличаются разнообразием: Данаи без конца носят воду в бездонный сосуд, – у нас вечно налито, грязь, и трон отсырел. Сизиф катает свой камень – шум как от взлета реактивных лайнеров. Тантал воет от ужаса, голода и жажды. И этому нет конца. Мы наказаны больше, чем они.

АИД

Мое наказание – вечный брак с тобой.

Когда Тесей Персифой потребовал тебя, ты ласточкой встрепенулась, рвалась на свет божий. Пойди, посмотри на женишка Персифоя – он без конца проклинает тебя за то, что усажен на каменную скамью. Я же не только тысячи лет разделяю с тобой трон, но и пререкаюсь.

ПЕРСЕФОНА

Оставим эти дразги. Цепи брака страшнее тьмы подземелья. (Орфею). Милый юноша, что внушило тебе страсть к песнопению?

АИД

(В сторону). Светская любезность.

ОРФЕЙ

Не знаю. Апполон витал надо мною еще в младенчестве. Как только начал я различать предметы, соединять их названия и выявлять суть, я стал давать им свои определения, я видел душу каждой вещи, говорил с ней, сочувствовал и сострадал. В деревьях я разговаривал с Дриадами, в воде – с Нимфами; красота розы поднимала меня на Олимп, звезды бросали в бездну мироздания. Иногда я как Икар парил подле солнца, смеялся или ссорился с ним.

АИД

Поэтические восторги мне непонятны. Что-то лицемер-

но-слащавое есть в них. Излагать свои чувства в словах и рифмах доставляет тебе удовольствие?

ОРФЕЙ

Это дыхание.

ПЕРСЕФОНА

И все же?...

ОРФЕЙ

Поиск слова – тяжелее сизифовых трудов. Бывает, что от напряжения выступает смертный пот, кровь выходит через поры, жилы лопаются. Чувства и страсти так сильны, что ты подчиняешься им как раб, и, кажется, готов отринуть весь мир, чтобы найти точное слово, иначе – смерть.

ПЕРСЕФОНА

Тогда что же такое – твоя поэзия?

ОРФЕЙ

Хриплый стон умирающего.

Мы, смертные, вызываем к жизни все новые и новые виды смерти, находя в этой игре и некую забаву. Газовые камеры и тюрьмы, концлагеря, атомные бомбы, нейтронные лучи. (Аиду) Ты наверное уже устал знакомиться со своими новыми помощниками. Твой ад – это чистилище, ибо на зем-

ле каждая песчинка пропитана кровью, каждый лист – предсмертным хрипом. Я должен слышать как плачут тучи и молится небо. Я прислушиваюсь к дождю, к ритму капель на крыше, к рифме стука паровозных колес. А потом я сижу перед чистым листом, и сражение порой заканчивается моим поражением и смертью, а порой любовью и недолгим поцелуем откровения.

АИД

Как много красивых слов. Но такие муки – чего ради?

ОРФЕЙ

Бывают минуты, когда я – держатель вселенной. Вместе с ночью ловлю в воде звезду и трепещущей рукой опускаю в траву. Подслушиваю соловьев и врываюсь в их песню, сбивая с толку; забираю листья у деревьев и, одевая их трепещущий наряд, танцую до зари в своих стихах и песнях.

АИД

Очень мило.

ПЕРСЕФОНА

Ужасы ада не так страшны как жизнь.

АИД

(Персефоне). Вот видишь, милочка, от чего я тебя изба-

ВИЛ.

ДАНАИ

(Несколько еле слышных голосов).

– Мы слушали его с восторгом.

– О, как он любит...

– Благословенны жены, не убивающие своих мужей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.